

ЭМОЦИОНАЛЬНОСТЬ И РАЦИОНАЛЬНОСТЬ

Принято противопоставлять эмоциональную и когнитивную сферы. С одной стороны, постулируются контролируемые, точные, объективные суждения, с другой стороны – неконтролируемое, неопределенное, субъективное эмоциональное пространство. Обсуждение различия между этими сферами, по сути, есть путь преумножения сущностей.

Попытаемся проанализировать области, в которых эти процессы являются сходными. Сразу же мы можем отметить, что как эмоции, так и познание являются результатом внутренней деятельности, субъективной активности индивида. Безусловно, результаты данной деятельности различаются. В случае эмоций – это переживание, в отношении познания – знание (информация). Но, в обоих случаях продукт деятельности появляется в результате определенных индивидуальных интенций и есть результатом трансформации субъективного опыта.

Принятие решений и эмоциональность. Точка зрения, что принятие решений является полностью рациональным, а эмоции лишь разрушают этот процесс, является достаточно распространенной. Рациональность, в данном случае, понимается как формальная последовательность решений, которая ведет к наиболее оптимальному выбору, эмоция же, считается, может его прервать или ему препятствовать. Однако, как показывает ряд исследований и наблюдений [1], без эмоциональной вовлеченности принятие решений не может быть даже возможным либо быть далеко не оптимальным.

В основе оценки влияния эмоциональных и рациональных компонентов на процесс принятия решения должно быть не формальное противопоставление различных компонентов психической жизни или стратегий принятия решения, а общая результативность деятельности. С этой точки зрения, рациональное принятие решения будет нерезультативным, если оно основано на ложных посылах. С

другой стороны, спонтанное, эмоциональное принятие решения может привести к эффективному результату, так как оно будет основано на учете предпосылок настолько слабых, что они могут субъективно не осознаваться, а лишь присутствовать в виде общего эмоционального фона.

Эмоции не являются однородными, с одной стороны, а рациональность включает множество ментальных репрезентаций, с другой. Существует достаточно большой класс эмоций, включающих, в качестве обязательного, когнитивный компонент (любопытство, сомнение, удивление), что, в свою очередь, делает их тесно связанными с процессами рационального принятия решения. С другой стороны, когнитивные процессы, сам процесс мышления достаточно редко является в чистом виде логическим и понятийным. Существует широкий класс форм и видов мышления (образное, практическое, интуитивное, допонятийное, магическое, метафорическое), которые изначально включают эмоциональные (иррациональные) компоненты и определяются ими.

Как познание, так и эмоции имеют социальную природу. Любой психический процесс является результатом, во-первых, интериоризации внешних операций и перевода их во внутренний план сознания. И здесь не столь важно, какие именно операции свертываются, превращаясь в соответствующие психические процессы – способность к счету или эмоциональная экспрессия в рамках адекватной репрезентации социальной роли. Во-вторых, как рациональные, так и эмоциональные компоненты обретают определенность, вербализуясь, воплощаясь в языковых конструкциях. С одной стороны, наше мышление есть, в сущности, субъективная репрезентация языковых конструкций. Однако, с другой стороны, поток переживаний также нуждается в вербализации для обретения смыслов, значений и репрезентаций.

А. Шютц предлагает собственную интерпретацию соотношения рациональности и эмоциональности [2]. Он отмечает, что в экономических и социальных науках рациональность рассматривается в качестве основного свойства

человеческого действия, и включает логику, планирование, оценивание, рассуждения. Тем не менее, Шютц отмечает принципиальное различие между оценкой мира с точки зрения ученого, аналитика, с одной стороны, и участников социального процесса, с другой. Он считает, что абстрактная рациональность, с помощью которой ученый объясняет социальные действия, принципиально отличается от рациональности, используемой субъектом социального действия. Социальные действия основаны не на анализе всех возможных последствий поступков, а имеют характер приближенных и типичных. Таким образом, рациональность, по Шютцу, является ограниченной, так как, включая в себя проекцию предположений о событиях социального мира, в значительной степени зависит от них. Сами же повседневные практики являются продуктами социального мира. Таким образом, рациональное поведение является не основой социальных действий, а их следствием. В такой же степени эмоциональные проявления являются следствием социального регулирования. Нерегулируемость и иррациональность эмоций предстает таковой лишь вне социального контекста. Эмоции, являясь одним из компонентов социальных отношений, зависят от таких регулятивных систем как социальный контроль, ценности, традиции, правила. Эмоциональная экспрессия, ее границы и формы выражения являясь, с одной стороны, частью социальных отношений, с другой стороны, порождается и регулируется ими.

Литература

1. Bechara, A., Damasio, A. R. The somatic marker hypothesis: A neural theory of economic decision // *Games and Economic Behavior*. – 2005. – 52. – P. 336-372.

Шютц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии. – М.: Институт Фонда «Общественное мнение». – 2003. – 336 с.

Гуманізм. Трансгуманізм. Постгуманізм : матеріали доповідей та виступів Міжнародної науково-теоретичної конференції, м. Суми, 19-20 квітня 2013 р. / Ред.кол.: Є.О. Лебідь, А.Є. Лебідь. — Суми : СумДУ, 2013. — С. 40-42.